

Даниил Пиунов

Дитя смирения

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Даниил Сергеевич Пиунов

Дитя смирения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66635390

SelfPub; 2021

Аннотация

Этот рассказ напоминает всем нам о том, что собственные ошибки, посеянные сейчас, обязательно взойдут ядовитыми последствиями после. И это после может вполне наступить уже завтра...

Содержит нецензурную брань.

Даниил Пиунов

Дитя смирения

Светало. Персикового цвета солнце вздымалось над холодной землей, пробуждая певчих, трубивших о начале дня. Вдаль уносилось шоссе, по которому не переставая мчались фуры, груженные древесиной или очередной просрочкой для жителей областного центра. Местные жители тамошних деревень, мимо которых и проносились громадные грузовики, облизывались, словно лисицы из басни Крылова, сетуя на то, что «Магнит» открывает свои магазины только в городах. И деревенским хотелось вкусить плоды цивилизации, находящейся так близко и так далеко одновременно, как и фуры, не сбавлявшие скорость на трассе. Медленно просыпался лес, в котором истоптали ни одну тропинку как местные, так и не очень жители. Как и полагается, в нем росли и ели, и сосны, и березы, и даже столетние дубы. Даже удивительно, как их до сих пор не вырубил и не пустили в оборот смекалистые дельцы, давно паразитирующие на остатках государственности. В каплях росы важничали и играли друг с другом лучи солнца, все больше и больше освещающего доселе темные уголки городского леса. Городским его называли лишь потому, что с недавних пор его включили в черту города, хотя и находился он в добрых десяти километрах от центра города, где, как и полагается, стоял всеми

обожаемый и ненавидимый одновременно старик с кепкой в руке, указывающей путь в никуда.

И откуда солнце освещало лес, все отчетливее становился виден изрядно обглоданный и обклеванный птицами труп женщины средних лет. Она болталась в петле, явно повешенная после жестокой расправы. Один из ее глаз был выклеван старым вороном, следившим за порядком на той самой поляне, где и висела простушка, а именно так и следовало называть женщину лет тридцати. Птицы успели полакомиться и печенью, благо на полуобнажённом теле было предостаточно резаных ран и следов отвратительного надругательства над этой типичной представительницей своего времени. Ее серебряного цвета туфельки были выброшены в канаву вместе с ее сумочкой, купленной в одном из подземных переходов. Платье в цветочек было изорвано и порезано, причем невооруженным взглядом было видно, что руку к убийству женщины приложил профессионал, а, быть может, и профессионалы. Волосы, конечно, были безобразно растрепаны, а всякий остаток косметики был размазан по обезображенному лицу, на котором к тому же были видны следы армейской обуви, кажется, 43 размера.

Конечно, жестокими убийствами было трудно удивить жителей областного центра, уже привыкшим к очередным вечерним сводкам, особенно в конце недели, где скрупулезно подсчитывали и смаковали каждую цифру. Сотни и тысячи ограбленных, десятки убитых и ставших жертвами на-

сила, униженные и оскорбленные – все они давно стали семьей, пускай того и не сознавая. Семьей обделенных вниманием со стороны равнодушного общества, полюбившего запирается в своих ничтожно крохотных и оттого ненавистных ими квартирках. Индивидуальный террор – атавизм, с которым хоть и неохотно, но борются. Коллективный же, более опасный и всеобъемлющий, столь западает в душу иным, что, когда они приступают к нему, большинство лишь разводит руками и призывает примириться с ним. Принять как должное пропажу людей и появление на их квартирах больших черных квадратов предлагают не только в книгах и телешоу, но и в разговорах, как бы невзначай. Любительницей таких разговоров была и Елизавета Ивановна Перепелкина.

Перепелкина ютилась не первый год в однушке на юго-западе города, в новом микрорайоне, выстроенном на старом кладбище, которое благополучно закрыли и избавились от всякой мишуры: на помойку полетели кресты и ограды, венки и поминальные конфеты, печенюшки и надгробия, позабытые родственниками в суете мирских будней. На другом конце города вроде как открыли новое кладбище, а вместе с тем и свалку ядерных отходов, которая уж очень хорошо вписывалась в антураж. Мертвым все равно, а вот для выполнения национальных проектов – хорошее подспорье. Впрочем, родители Перепелкиной были живы, и она, конечно, не интересовалась судьбой чужих могил. Более того, жили они в сотнях километрах в своей маленькой деревенской утопии,

где лучше думалось и дышалось. Елизавета тоже мечтала заработать на хороший загородный домик, но никогда и не при каких обстоятельствах не принимала выгодные предложения от импозантных боронов, облюбовавших ее квартиру. Она полагала, что так она выглядит в глазах прочих более независимой и успешной дамой. Посещали ее стабильно раз в месяц, многие соседи даже удивлялись, как она успевала совмещать работу в издательстве, придомовой огородик, походы в театр и клубы, чтение бульварной литературы и личную жизнь, если знакомство на одну ночь можно было назвать «личной жизнью».

Обыкновенным майским утром Елизавета вышла на лестничную площадку, желая спуститься по лестнице и выйти во двор. Лифт в девятиэтажке не работал больше года, но Перепелкина запрещала жаловаться, исправно обходя квартиры и проводя своеобразное анкетирование, как бы служившее ответом на вопрос «А доволен ли ты жэком?». Привыкшая быть лидером еще со школьных времен, Елизавета Ивановна была строга с юнцами, жаловавшимися на алкоголиков в их подъезде и постоянное отключение горячей воды. Перепелкина разводила руками и на резонные замечания всегда отвечала отказом в посредничестве. Как председатель домового товарищества, так назывались ее посиделки с пенсионерками, критикующими и восхваляющими правительство день ото дня, она считала своим долгом поддерживать мнимую «стабильность». И надо отметить, что при каждом споре

женщина уверенно оппонировала, заставляя своего противника самоуничтожаться. И, доводя очередного жалующегося на жизнь и невидевшего ужасов войны студента или молодую мать до истерики, Елизавета мысленно ставила себе своеобразный плюстик, так как вера ее в свои лидерские качества все укреплялась и укреплялась.

Так вот обыкновенным майским утром она заметила, что на двери ее соседа по лестничной клетке появился большой черный пугающий своей чернотой квадрат. Каждый человек прекрасно понимал, что значила сия геометрическая фигура. Не трудно было догадаться и Перепелкиной, знавшей, что этот сосед больше не побеспокоит своими гневными выпадами в сторону ее губернатора. За молодого и как бы прогрессивного лидера молодежи, выдвинутого от недавно образованной партии, она агитировала лично и очень обижалась, когда какой-то «студентишка» позволял себе писать гадости в социальных сетях и на правительственных зданиях в центре города. Обычно пропавшего человека постоянно обсуждали во дворе, где Елизавета трудилась напропалую в своем огорожке. Там, перед самым домом, в ее самодельной тепличке, росли огурцы и помидоры, укроп и чеснок, а на клумбах вблизи подъезда всегда цвели гиацинты и крокусы. Вот и сегодня женщина решила подкормить своих родненьких, именно так она называли овощи и цветы. Набрав воды в автомате, она двинулась к клумбам, где и занялась своим любимым занятием. Солнце нещадно пекло, находясь в зените,

благо у Елизаветы Ивановны была панамка; в нос ударял отвратительно сладкий запах куриного помета, распространяющего свой въедающийся в одежду запах во всей округе.

– Хорошая сегодня погодка для садоводства – говорила сама с собой Елизавета. – А запах, ну что запах. Вот все жалуются на него, а я не понимаю, чего все нюхают, когда вокруг такая красота, как мои цветочки. Нюхайте же их люди, и мир заиграет новыми красками. Замечательные у меня цветы!

Кстати, источником этого дурного запаха была фабрика, с размахом построенная несколько лет назад. Конечно же, и сама Елизавета, и другие лишь радовались тому, что в районе появятся новые рабочие места.

Ухаживая за своими цветами, женщина не заметила, как на скамейке у подъезда уселись две подружки: баба Фрося и баба Тамара. Старушечки были как две капли воды похожи друг на дружку, разве что цвет их платков с рынка позволял отличить одну женщину от другой. У Фроси был красный платок с десятками ромашек, а у Тамары синий с ландышами. Собственно, и ядовита она была не меньше, чем эти ландыши. Старухи сплевывали в кулек семечки, вытягивали больные ноги в калошах и общались между собой, переминая кости каждому, кого знали.

– Аркашу говорят упекли, все. Нету карасика, о как – предложила тему для обсуждения Фрося. Она сплюнула шелуху в кулек от газеты «Комсомольская правды» и продол-

жила болтать ногами.

– Да ладно? С девятого то? Аркашу? Мать честная – отозвалась Тамара. – Это не того ли, который в организации иностранной состоял, как же ее... «За свободную любовь то» или как? Фиг разберешь их, придумает молодежь ерунду и мается. Он же все на митинги ходил, постоянно плакатики расклеивал. Ух я ему эти плакаты хотела затолкать в одно место. Поделом ублюдку досталось, я так считаю – Тамара ни на шутку разошлась, гневно жуя семечке и сплевывая шелуху. От энергии, долго копившейся и теперь вырвавшейся наружу, на нее напал еще больший жор. Старуха начала с еще большей силой перемалывать зерна подсолнечника.

– Квадратик черный висит у него. Мне Сонечка рассказала, она к нему хотела зайти, какой-то инструмент ей нужен был. Приходит ко мне, говорит: «Баб Фрось, а Аркаши то...». И рот раскрыла представляешь? Стоит с разинутым ртом и выговорить не может. Поднялась я короче с ней, благо не так низко живу, всего-то на седьмом. И правда, большой черный квадрат, как у этого, ну как же его...

– Малевича что ли? – предположила Тамара, у которой к тому времени закончились семечки.

– Да, точно. В общем жуткая картина, но я сейчас только подумала. А на кой хер, скажи мне, я вообще пошла на девятый? Мне этот Аркаша кто?

– Конь в пальто – прыснула Тамара и громко заржала, как полуживая кляча на последнем издыхании.

– Вот-вот. Ну ты рассказывай, как там у Юльки? Уже в школу готовятся?

Разговоры о родственниках и рассаде хорошо чередовались с новостями об очередном исчезнувшем человеке. Тема эта никогда не поднималась в СМИ и уж тем более в речах правительствующих, но тем не менее находила живой отклик у некоторой части равнодушной молодежи. Старички посмеивались над ними, родители же советовали не лезть, «куда не следует». Советы эти напоминали предостережения, как в детстве: «Не влезай – убьет!». Кто знает, быть может, и свидетели мезозоя, и бывшие пионеры были всегда правы?

Меж тем Перепелкина все слушала и слушала, копаясь в своем огородике-саде. В одном ухе у нее играла попса, а другим она ловила каждое слово. Елизавета Ивановне, особо не предпринимающей ничего для изменения окружающего мира, тем не менее было уж очень интересно, что у кого и как.

«Странно, чего Аркадию все не нравилось? Говорила я ему, заканчивай эти игры. Тоже, конечно, придумали. Общественное движение. Если это движение, то нужно куда-то двигаться, а они только критикуют и стоят на месте. Наверное, отправили его в другой город. А, впрочем, не моя забота. Может и новый сосед появится, будем дружить. Я уже полила эти или еще нет?».

Мысли Перепелкиной были всегда наполовину в огороде, даже, когда она перебежала в партер с балкона, стараясь

остаться незамеченной. Свободное место всегда оставалось, тем более на постановках, идущих не первый год. Привыкшая экономить и обманывать систему раз за разом, Елизавета Ивановна приноровилась жить с комфортом даже в таких скотских условиях, в каких существует добрая часть человечества. Вернувшись домой, женщина включила телевизор, начала готовить домашний попкорн, чтобы хорошо расслабиться перед ящиком. По нему, правда, крутили одну шелуху. Политика, митинги, теракты, падение курсов валют. Все это так осточертело Перепелкиной, что она со всей ярости взяла и вдавила своими наращёнными ногтями в кнопку пульта. После пульт полетел в помойку.

Через неделю погода испортилась. Шел постоянный дождь, а местами непрекращающийся ливень. Изредка захаживал в здешние края и град. Елизавета Ивановна с грустью на лице рисовала всякие рожицы и фигурки на окнах. Вообще-то она была в отпуске, однако женщина и не думала, что будет вынуждена днями напролет сидеть дома. В конце концов наступил тот самый момент, который наступает всегда, в независимости от твоих желаний: кончились майонез и фасоль. Елизавета Ивановна вышла из квартиры и, захватив новый зонт-трость, лениво побрела по каменной лестнице. Уже на пролете пятого этажа она уловила до боли знакомый запах кислой капусты. И действительно, прямо перед ней в своих испражнениях валялся алкоголик Пашка, избивавшей свою дочь и жену. Перепелкина поморщилась, но пересту-

пила через потное, обделавшееся существо, и, когда она случайно задела каблуком его куртку, то невзначай заметила, как из ее карманов посыпались какие-то таблеточки. Улыбка озарила лицо простушки, которая наконец разгадала так давно терзавший ее секрет. Теперь ей вмиг стало понятно, кто разбрасывает шприцы у ее подъездов, и почему Пашка так звереет в приступе ссоры с женой.

После возвращения в подъезд из гипермаркета, женщина заметила, как около тельца дежурит молодая девушка, чуть младше ее. Семинаристка Лидочка в домашнем платице бегала туда-сюда, теребя в руках сотовый телефон.

– Елизавета, здравствуйте. Слава богу, что я кого-то встретила. Не поможете мне?

– Здравствуй. А чем я должна помочь, собственно? – Перепелкина уже мечтала сделать курочку под красным вином, которое она урвала по акции, а потому отвечала достаточно лениво и без удовольствия.

– Я вызвала полицию. Посторожите Павла Сергеевича со мной. Одной страшно.

– С дуба рухнула, дуреха? Какую полицию? Чтобы про нас все говорили, какой мы неблагополучный подъезд? Где твой телефон? – Елизавета Ивановна вся покраснела от таких известий.

– Да вот же он – смиренная христианка показала простейший «Nokia», который староста подъезда с остервенением вырвала из рук и разбила о лестничную площадку.

– То-то же. Брысь отсюда, и не вздумай полицейским показываться. Не дай бог слухи пойдут, не дай бог...

Уже на следующий день Елизавета Ивановна двинулась на работу. Отпуск кончился, и как назло майское солнце снова выбралось из заточения. Теперь однако же его застилали не серые облака, а мерзкий смог и дым заводских труб. Фабрики росли вокруг новостроек как грибы, и Перепелкина радовалась, что правительство заботится о рабочих местах и доступной продукции для простых людей. Единственное, что ее, пожалуй, смущало, так это то, какой вред могут нанести все эти производства ее садику-огородику. Она даже думала прийти с инспекцией, но отложила это дело в долгий ящик, как и многие. Спускаясь по лестнице, она обнаружила, что на двери семинаристки Лидочки, как и на двери студента Аркадия, висит большой черный квадрат. Остановившись подле нее, Перепелкина задумалась. Женщина стояла несколько минут тупо, в каком-то оцепенении всматриваясь в черноту, которая и манила, и пугала. Во всей этой темной фигуре она будто видела всю жизнь, и на минуту ей показалось, что квадраты на дверях, появляющиеся все чаще и чаще, становятся больше. Квадрат засасывал, поглощал все самое лучшее, превращая ангельски чистые помыслы и благие в идеи в ничтожную пустоту. От таких непривычных мыслей у Елизаветы Ивановны даже закружилась голова, а потому она выпила нужную таблеточку и зашагала дальше.

«Зачем лезть в чужую жизнь? Женка Пашки тоже хороша,

ведь знала за кого идёт. По мне так лучше тогда одной быть, если характера нет» – думала Перепелкина, огибая колдобины в ее дворе, переполненные грязной водой после дождя. Ее вечно праздничный внешний вид постоянно контрастировал с окружающей серостью, отчего красные и желтые платица даже раздражали некоторых австралопитеков. На работе она набросала планы на ближайшие выходные. Женщина затеяла генеральную уборку; поборник чистоты, она просто не могла терпеть грязь и пыль, что не мешало ей однако закрывать глаза на художества подростков в подъезде, облеваннные перилла и грязные ступеньки лестниц. «Главой» подъезда она была лишь до тех самых пор, пока речь не заходила о коллективной уборке. Вообще, честно говоря, мало кто задумывался о том, чтобы облагородить общее пространство. Общее – значит «ничейное». Мысль эта укоренилась в сознании большинства людей. Но и среди них находились особенно отличающиеся. Перепелкина, к примеру, принадлежала к тому типу людей, которые не обращают внимание на уродство и убожество окружающего их мира. Всю нравственную чистоту и эстетику они вынашивали в собственных душах и предлагали именно душами, а не мозгами смотреть на мир вокруг. Уж очень такие блаженные, в хорошем смысле слова, ходили не героев сентиментальной прозы.

Уже вечером, сидя за компьютером, Елизавета Ивановна наткнулась на какой-то пост в социальных сетях. Под ним шла активная дискуссия. Обсуждалось, «какого же цве-

та должен быть новый электробус: красного или синего?». Перепелкина, мнившая себя знатоком моды, вступила в диалог с кем-то в комментариях, рьяно доказывая, что цвет автобусов должен быть непременно красный, так как синий цвет транспорта уже изрядно надоел, так как в моде в этом летнем сезоне будут теплые, а не холодные тона, да и вообще, женщина не упускала из головы мысль, что красный автобус – это очень сексуально. По этому случаю она даже захотела прикупить новую юбку и сумочку на цепочке. Как житель города Елизавета Ивановна приняла участие в голосовании на сайте администрации, но продолжала переписываться с кем-то в социальной сети и навязывать всем свое мнение.

К утру следующего дня она успокоилась. Лениво, подобно котам по утрам, потянулись рабочие будни, и уже к концу недели Перепелкина мечтала выбраться куда-либо с очередным любовником, да хотя бы в тот же самый лес, который почему-то многие стали обходить стороной. Прошли даже слухи, что там появилась специальная зона, охраняемая людьми в форме. Елизавету Ивановну слухи подстегивали еще больше, а потому женщина уже лелеяла мечту об отдыхе загородом.

Вечером в пятницу она назначила свидание в парке в их районе. На удивление, потенциальный любовник просил встретиться, ссылаясь на большую занятость, не раньше одиннадцати вечера. Женщина не придала этому значения и, надев вечернее платье и серебряные туфли на шпильках, на-

кинув на плечо новую сумочку и хорошо измазавшись косметикой, двинулась в сторону парка.

Луна еле-еле выглядывала из-за темно-синих облаков, редкие фонари неохотно освещали путь. Перепелкина включила музыку в своих наушниках, и напевая песни Аллы Пугачевой, даже не думала о том, что или кто может поджидать ее хотя бы в соседнем темном переулке. Заслушавшись песней «А знаешь, все еще будет», Елизавета Ивановна не заметила, как сзади к ней подбежало несколько мужчин в балаклавах. Молодчики оперативно скрутили любительницу советской попсы: один из них надел плотный мешок, какой раньше надевали приговоренным к смерти, второй быстро повалил ее на землю и начал вязать руки ноги, не забывая, конечно, шептать «заткнись, дура». Третий, по всей видимости, ударял хорошей дубинкой по ногам и почкам, а четвертый, вероятно, начинающий в их нелегком деле, засунул собственный носок Елизавете Ивановне в рот, чтобы она не сильно кричала. Перепелкина действительно сильно испугалась, в кровь выбросилась месячная норма адреналина. Она не верила, что это происходит действительно с ней, думалось даже, что это какой-то розыгрыш. Молодчики управились за минуту и быстро кинули Елизавету Ивановну в багажник большой грузовой машины. Газель спешно покинула двор, и ни один из избирателей не заметил пропажу очередной души.

Ранним утром через несколько дней Елизавета Ивановна

уже болталась в петле, несколько раз обесчещенная и поруганная. Труп ее разлагался и смердел на солнце, вонь разносилась по всей округе, благо грибники и иные любители природы более не ходили в тех местах. Целые гектары леса были отданы в бессрочное пользование неизвестно кому. Перепелкина болталась, иногда сдуваемая хорошим ветром, и лишь вороны и зайцы прилетали и прибежали посмотреть, кого же растерзали в очередной раз.

Однажды баба Фрося поднялась к квартире Перепелкиной, чтобы упротить напечатать в ее издательстве очередной сборник стихов. К большому удивлению старухи, на двери квартиры красовался еще больший, чем у того же Аркадия или Лидочки, черный квадрат. Чернее этого квадрата в своей долгой жизни баба Фрося еще не видывала. За послеобеденными посиделками на скамеечке с Тамарой она рассказала, что предстало ее взгляду.

– Тю, не удивительно! Внучок рассказал, чего она писала в Интернете. Не сиделось ей на месте, тоже сломалась. Потянуло, видишь ли, мнение свое высказать – смеялась Тамара. – А кому ее мнение интересно? Правильно – никому! – заключила старуха.

А тем временем Фрося и Тамара так и сидят в каждом дворе, и в каждом доме растут и умножаются черные квадраты, и все большее количество гектаров леса отдаются непонятно кому.